

ЮНОСТЬ ТЕАТРА ДЛЯ ЮНЫХ

РАЗМЫШЛЕНИЯ КРИТИКА

ТЕПЕРЬ в репертуаре ТЮЗа есть полдесятка спектаклей. Стало быть, налаживается производственная жизнь, процесс становления идет своим чередом. Кажется, совсем недавно его еще только ждали, а теперь он взрослеет, наш юный театр юного зрителя. Взрослея, обретает определенность, складываются его «привычки детства». Завтра из них сложится «характер юности». А каков он будет?

Не знаю, существуют ли какие-то нормы, согласно которым неизбежные и немалые трудности формирования новой труппы, нового коллектива должны быть преодолены в целом с такого-то дня или с такого-то по счету спектакля. Известны случаи, когда уже первый спектакль театрального коллектива становится событием. Другие десятилетиями ждали своего звездного часа. Некоторые дождались, другие еще ждут за прочной броней совершенно объективных обстоятельств.

Есть города, в которых в ТЮЗ попасть труднее, чем в театр драмы. В Горьком, например, я оказался в такой ситуации. Всесоюзную известность завоевал Саратовский ТЮЗ. Сейчас много говорят о творческих поисках наших соседей-орловчан. Не говорю уже о Ленинградском ТЮЗе. Нас, группу преподавателей театральных дисциплин, проводили на спектакли под завистливые взгляды переполненного вестибюля и усаживали... на ступени лестниц амфитеатра. Мы были рады и этому, потому что в зале интересно было всем — и детям, и взрослым. Театр для юных может быть (и должен быть!) интересным для всех. Придя туда, и взрослые зрители узнают об этом поколении что-то новое о себе. ТЮЗ — это театр! Снисходительность его унижает.

Давайте поговорим о нем, нашем ТЮЗе, серьезно. Ведь не всего семь премьер, а уже семь премьер: пора!

И в «Репетиторе», и в «Сашке», и в «С любовью не шутят», и в «А все-таки она вертится!», и особенно в «Синей вороне» — в каждом из

этих спектаклей есть интересные решения, роли. Они созданы на добротном и разнообразном драматургическом материале. Но каждый раз (может быть, за исключением «Синей вороны») чего-то не хватало для безобидной радости.

Вот, например, спектакль «А все-таки она вертится!», поставленный В. Гурьевым по пьесе А. Хмелика. Ироничная, умная, добрая история, и театр начинает ее рассказывать выразительным и емким по мысли прологом. Лучи прожекторов осветили вдруг глубину сцены, превратив ее в космическую бездну, тревожную и манящую, а сценическая конструкция стала ракетой, нетерпеливо замершей на старте. После этого иначе относишься к фантазиям школьника Васи Лопотухина (А. Степанович), который, опоздав в очередной раз на урок, уже не ссылается на часы или другие классические причины, а говорит, что его задержала встреча... с «летающей тарелкой». Есть в этом спектакле предмет для размышления о смысле жизни, о цене истины. Отношение к происшедшему изменило прежнюю расстановку сил в классе, заставило и героев пьесы, и нас, зрителей, иначе взглянуть на Лопотухина и его товарищей, чем это мы сделали по первому впечатлению. И комедийная характеристика Петрова (В. Аверин) и Павлова (А. Быков) сдержанна, убедительна, и есть несколько интересных решений (эпизод с собаками, например, вызывает оживление в зале), но общий тон спектакля дидактичен, сух. В нем нет театральных чудес, необычности. Странно выглядят взрослые (директор, учительница, дядя Коля), исполняемые ровесниками героев-школьников. Эти актеры как бы выступают от их имени, отстраненно. Этот режиссерский прием был бы интересным, стань он сквозным для спектакля в целом. Если возможна такая школа, то в ней и все остальное должно происходить необычно, тогда соотношение сил сохранилось бы. Сейчас же здорово смахивает на пародию.

Эмоционально и ярко заявляет о себе спектакль «Сашка» (инсценировка повести В. Кондратьева в постановке В. Федосеева), спектакль, способный рассказать о подвиге солдата на великой войне, о доброте, о гуманности, о страдании, не ожесточившем душу народа. Он, народ, в спектакле олицетворен Хором, постоянно присутствующим на сцене и наблюдающим сочувственно и скорбно за мытарствами солдата Сашки и его товарищей. Все происходящее получает под этим неотступным взглядом особый эмоциональный и нравственный смысл.

Но начавшись сильно, ярко, захватывающе-тревожно, спектакль не прибавляет, не растет и, естественно, перестает удерживать внимание. Начинаешь замечать и то, что не всем исполнителям удалось в мозаике эпизодов высветить характер своего героя, что спектакль сбивается на декламацию, что хождения по залу (так решен путь Сашки и его товарищей в госпиталь) скучны и монотонны, что... ждешь, когда это все кончится. А жаль: ведь начиналось так интересно, так располагало к себе.

Спектакль «С любовью не шутят» производит более целостное впечатление. Комедия П. Кальдерона решена режиссером Э. Аракеловым и художником А. Забидаровым светло, грациозно. Как история любви очень молодых людей. Он театрален, наполнен аттракционами, придумками, органичными для такого решения, за ними интересно наблюдать. Большинство исполнителей непринужденно существует в обстоятельствах пьесы и жанра, предложенного режиссером. И донья Беатриса (О. Яковлева), и донья Леонора (Л. Чеснокова), и Москатель (В. Дехтиевский), и Инесса (Н. Лесничая), и дон Педро (П. Иванов), и дон Хуан (О. Смирнов) — это характеры полнокровные, развивающиеся. Особо следует отметить В. Котлова в роли дон Алонсе, умеющего извлекать искру смеха с невозмутимостью настоящего комедийного актера. Своему успеху

спектакль во многом обязан убедительности центральной роли.

Но и в этом спектакле не обошлось без потерь. Ни режиссерски, ни актерски не решены роли дон Луиса и дон Диго. Их появление выглядит некомедийно, скучно. Надо бы и повышать речевую культуру спектакля: некоторых реплик просто не разобрать.

Спектаклем «Репетитор» театр разговаривает со своими старшими зрителями: Катя (Т. Марчелли) закончила школу, Женя (О. Смирнов) — университет. Их уже волнуют вполне взрослые проблемы. Согласившись на репетиторство для подготовки Кати к вспугнутым экзаменам, оба не подозревали, что дело зайдет так далеко, что жизнь поставит их перед необходимостью решать, быть ли им вместе. Уж очень разные это люди. Она — «королева пляжа», он — «соковыжималка из книжных томов». Разный духовный, культурный уровень, круг интересов, жизнестойкость. Но их и привлекли друг в друге именно те качества, которых не доставало у самих. Катю это не испугало, Женя предпочел в последний момент уехать.

У этой истории открытый финал. Вместе с ее героями мы ждем еще каких-то решений и можем предлагать их, исходя из собственных взглядов. Это интересно, активно обращено к зрителю. В ответах на анкету «Я — зритель ТЮЗа», опубликованную в газете «Брянский комсомолец», дается высокая оценка этого спектакля. Она была бы более справедлива, если бы Т. Марчелли и О. Смирнов убедительнее раскрывали в своих героях привлекательность тех качеств, которыми они заинтересовали друг друга. Женя монотонен, он неинтересней рассказчик для современного интеллектуала. Что-то иное должно сочетаться с его робостью и неискушенностью в ухаживании за красивыми девушками, чтобы заставить Катю пересмотреть, не ожидая для себя стереотип своего поведения. В свою очередь Катя излишне подчеркнута в том, что ее отличает от заезжего вытескиника философского факультета, причем делается это подчас в ситуациях, где она могла бы

выглядеть мягче, душевнее. Она вообще почему-то излишне агрессивная, напряженная, ожидающая во всем подвоха. Если разница меж ними так велика, может быть, Женя прав, что сбежал из курортного городка? Может быть, его можно понять?

Спектаклю чрезвычайно вредит так называемая смелость сексуальных намеков и полунамеков. Раздевание за ширмой, как в теневом театре, беру на себя смелость утверждать, — явление невысокого художественного вкуса, тем более, что по ходу пьесы оно не несет никакой смысловой нагрузки. По-моему, такие вещи неуместны в ТЮЗе вообще в силу его специфики, да и любой другой театр они не украсят. А чего стоят в спектакле «С любовью не шутят» «гимнастические» монологи сестер, сопровождаемые безобидными самими по себе жестами, но в сочетании с текстом становящимися скабрёзными... Право, не украшает это спектакль. И совсем уже недопустимо не только в ТЮЗе, но и находящееся за гранью искусства вообще: мат, который звучит со сцены в спектакле «Сашка». Показалось даже, что ослышался, да только недоуменные переглядывания соседей подтвердили, что это было на самом деле. Уж это-то совсем ни к чему...

Местами в этих размышлениях я сознательно заостряю внимание на том, что не получилось. Конечно же, о чем-то можно было сказать спокойнее. Но сейчас складывается общий тон театра, пусть же эти «привычки детства» не станут «характером юности». Ни разу, например, за все мои посещения ТЮЗа спектакли не начались вовремя. Это ведь тоже может стать привычкой. Ни разу зрителям не предлагались программы. Разве это не элемент его культуры? Не хочется верить, что ТЮЗ сам разделяет снисходительное отношение к себе. Разделяет и способствует его укреплению. А ведь позади уже семь премьер. Пора бы театру становиться Театром. Театром-событием, театром-другом, театром, который делает нашу жизнь прекраснее.

М. ДОЗОРЦЕВ.